

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

К десятилетию Международной летней школы по русской литературе на Карельском перешейке (2001 – 2011)

Когда произносят слова «летняя школа», то люди, имеющие отношение к филологии, обычно вспоминают Юрия Лотмана и организованные им в Эстонии летние школы по вторичным моделирующим системам. Парадоксально, но первая из них состоялась в 1964 году, когда был снят Хрущев и вся страна после отшумевшей «оттепели» начала быстро двигаться в сторону «замерзания». С перерывами эти школы продолжались до 1974 года, всего их прошло пять (одна — «зимняя»), шестая состоялась после длительного перерыва в 1986 году.

Лотмановские летние школы стали важнейшим фактором в развитии не только славистики, но и вообще гуманитарной науки на территории СССР. На относительно «нейтральной» территории Эстонии собирались молодые и не очень молодые ученые, представлявшие разные ответвления бурно развивавшейся тогда семиотики. Возникла прекрасная возможность обменяться мыслями, сопоставить планы, поспорить, начинающим ученым послушать уже состоявшихся и поработать вместе с ними.

В 1990 году Ю.М. Лотман продиктовал маленькую мемуарную статью «Зимние заметки о летних школах», в которой было сформулировано главное отличие этого вида научного общения:

«Принцип Летней школы не равен принципу конференции или симпозиума. Он состоит в том, что ученые собираются в определенный период и живут вместе. Вся Летняя школа — цепь разговоров. Центры их — залы заседаний, где задаются темы, определяются точки зрения и лагеря. А затем обсуждения продолжаются в самых разных местах и формах. Это создавало непосредственную и исключительно неформальную обстановку. Участники школ не считали себя носителями законченных знаний, а понятие школы предполагало открытость и постоянное взаимное обогащение»¹.

---

¹ Лотман Ю.М. Зимние заметки о летних школах // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 295.

Каждый ученый знает, что на научной конференции главное — все не доклады и их обсуждения, а разговоры в «кулуарах». Именно здесь вопросы ставятся «по гамбургскому счету», споры ведутся без скидок на ученые степени и звания, а тщательно отпечатанный текст доклада, аккуратно прочитанный в конференц-зале, тут помочь уже не может. На мой взгляд, сама идея летней школы — это попытка создать конференцию без официальной части, со сплошными «кулуарами», когда работа и отдых настолько переплетены между собой, что разделить их уже не представляется возможным, да и желания такого ни у кого не возникает.

Лотмановские летние школы задали очень высокую научную планку. Практически все тогдашние молодые ученые стали впоследствии ярчайшими филологами и философами, а о «мэтрах», принимавших в них участие, и говорить нечего: среди них были Р.О. Якобсон, Вяч. Вс. Иванов, А.М. Пятигорский, И.И. Ревзин, Г.А. Лесскис, П.Г. Богатырев и другие. Излишне говорить, насколько утопической была бы сейчас попытка хоть как-то воспроизвести сейчас этот уровень, особенно учитывая тяжелейшие потери, которые понесла российская филология в последние годы. Поэтому ни о какой сознательной реинкарнации тартуских Летних школ в начале XXI века, под Петербургом, никто никогда всерьез не думал. Когда в 2001 году впервые зашла речь о проведении такой школы, то имелось в виду лишь начальное встраивание в традицию внесистемного научного общения, где молодые филологи могли бы свободно общаться с серьезными учеными.

Покойный академик Владимир Топоров в своем мемуаре попытался ответить, что же способствовало в тартуских летних школах созданию уникальной атмосферы свободного сотворчества, как он писал, — «атмосферы особой открытости, пронизательности, общительности, отзывчивости, взаимной симпатии, почувствованную почти всеми сразу и со временем закрепленную *памятью сердца*»². Эту причину он определил как «нездешность» условий, в которых все оказались. Удивительная природа, скромный, но разумный и достойный быт, чувство раскрепощенности в этом пространстве свободы. И Г.А. Лесскис, вспоминая Кяэрику (именно там, в летнем студенческом лагере под Тарту проходили первые школы), рисует совершенно идиллическую картину нетронутой, первозданной природы:

«Всё имело девственный вид, несмотря на лагерь, — звери были непуганые, леса незахламленные. Через дорогу временами перебега-

---

² Топоров В. Вместо воспоминания // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 335.

ли поросята с кабанихой, а однажды мы с Владимиром Николаевичем Топоровым видели, как бежала в гору вдоль дороги красно-рыжая лиса...»³.

Что это как не описание того же самого механизма, который работает в идиллической топике, подчеркивая чистоту и первозданность душ героев? Так и ученые — вырываясь из официальной обстановки своих институтов, оказывались в мире, где сама природа делала смешными даже мысли о той совокупности условностей (неважно — продиктованных ли советскими реалиями или же определенных «научными традициями»), которая была ими оставлена в городах.

В 2001 году А.А. Кобринским, автором идеи летних школ под Санкт-Петербургом и впоследствии постоянным председателем их Оргкомитета, было выбрано место для их проведения — база СПбГУ на Карельском перешейке, примерно в 20 минутах езды от Зеленогорска (полтора часа от самого Петербурга), в месте, которое уже своим названием порождает романтические предчувствия — Семиозерье. На самом деле, там даже не семь, а восемь озер разной величины, расположенных в чудесном сосновом лесу. Имела значение и мифология места: Семиозерье расположено в нескольких километрах от поселка Поляны, носившего при финнах название Уусикиркко («Новая церковь» — фин.). Это название хорошо известно любому специалисту по русскому авангарду — именно здесь, в двух верстах от станции, была дача художника Михаила Матюшина и его жены поэтессы Елены Гуро, здесь Гуро и была похоронена в 1913 году. Именно на даче Матюшина в том же 1913 году прошел Первый (и он же, заметим, последний) всероссийский съезд футуристов, на котором присутствовали также Алексей Крученых и Казимир Малевич. Несмотря на то, что ни матюшинская дача, ни могила Гуро не сохранились, мифология местности играет большую роль в создании «филологической атмосферы». Кроме Уусикиркко, летние школы проводились и в других местах Карельского перешейка: Серово (Vammelsuu, 2006), Цвелодубово (Kaukolempiälä, 2011).

Первоначально участие «взрослых» в летней школе ограничивалось их выступлениями в дискуссиях по поводу докладов «молодых» и беседами в кулуарах. Высказанные по итогам проведения школы пожелания привели к изменению формата, который начал действовать с 2005 года и не изменился до сих пор: приглашаются молодые филологи, специалисты по русской литературе (студенты старших курсов, аспиранты, молодые кандидаты наук), каждый из них дела-

---

³ Лесскис Г. О летней школе и семиотиках // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 314.

ет небольшой доклад по теме своих исследований; кроме этого им читают лекции приглашенные известные ученые, которые потом также участвуют в обсуждениях и дискуссиях. С самой первой школы было решено по результатам ее работы издавать сборник статей.

Увы, далеко не сразу стало понятно, что школы станут регулярными и ежегодными. В 2001 году финансирование было предоставлено по программе «Интеграция», после чего возник четырехлетний перерыв из-за банального отсутствия денег. «Интеграция» приказала долго жить, а Российский гуманитарный научный фонд раз за разом отклонял (и отклоняет до сих пор) наши заявки, очевидно, считая бессмысленной такую трату государственных денег. Между тем, какими бы малобюджетными ни были школы, на их проведение деньги требовались, как и на издание сборников. Помог юбилей: в 2005 году Александром Кобринским была организована научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Даниила Хармса, на которую были получены частные спонсорские средства. По договоренности со спонсором часть денег была направлена на проведение летней школы, посвященной русскому авангарду. Читать лекции на эту школу приехали многие участники конференции.

Так сложилось с самого начала, что основной контингент молодых ученых был из Москвы и Санкт-Петербурга. Больше всего талантливей молодежи по традиции приезжало из Российского государственного гуманитарного университета, чуть меньше из МГУ. Петербург обычно представляли СПбГУ и РГПУ им. А.И. Герцена. Однако Москвой и Петербургом география не исчерпывалась: на восьми прошедших с 2001 года летних школах побывали коллеги из Саратова, Иванова, Новосибирска, Воронежа, Вятки, Калуги, Калининграда и других городов, а также молодые филологи из Женевы, Варшавы, Белграда, Киева, Хельсинки, Токио и, конечно, Тарту. Стоит назвать и имена участвовавших в заседаниях видных представителей филологического цеха: А.В. Лавров (Санкт-Петербург), С.И. Николаев (Санкт-Петербург), Д.П. Бак (Москва), Н.А. Богомолов (Москва), А.А. Долинин (Санкт-Петербург – Мэдисон, США), В.В. Емельянов (Санкт-Петербург) Ж.-Ф. Жаккар (Женева, Швейцария), Г.А. Левинтон (Санкт-Петербург), М.Б. Мейлах (Страсбург, Франция) Ж. Нива (Франция-Швейцария), Р.Д. Тименчик (Иерусалим, Израиль), А. Жолковский (Лос-Анджелес, США), Л. Панова (Лос-Анджелес, США), А.Г. Бобров (Санкт-Петербург) и многие другие. Усилилась и организационная сторона: если первую летнюю школу профессор А.А. Кобринский готовил практически один, то позже сформировался небольшой международный орг-

комитет, куда кроме него вошли также московские профессора Олег Лекманов и Михаил Люстров, доктор Геннадий Обатнин, петербуржец, преподающий в Хельсинки, старший научный сотрудник Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) Алексей Балакин и, конечно, уже упомянутый профессор Александр Долинин.

Начиная с 2005 года, летние школы стали проводиться ежегодно, хотя гарантированного финансирования до сих нет и каждый раз его приходится собирать по крохам, порой, получая подтверждение в самый последний момент. Но можно уже с определенностью сказать, что уровень участников значительно вырос и каждая последующая школа по своему «молодежному» составу оказывается не только не слабее, но во многом, сильнее предыдущей.

За десять лет существования школы возникло самое главное — научная традиция

Как и полагается, студенты идут в аспирантуру, аспиранты защищают диссертации, через некоторое время они уже приезжают на летнюю школу в несколько более высоком статусе. Стали сложившимися и признанными учеными приезжавшие на первые школы Алина Бодрова, Мария Котова, Михаил Велижев, Алексей Вдовин, расширяется география участников и читающих лекции профессоров. Летняя школа на Карельском перешейке превратилась в один из центров пересечения научных интересов молодых литературоведов-русистов — наряду с Тарту, Таллином, Москвой...

Помимо общности исследовательских установок и базовых принципов работы, создавалась еще и человеческая общность, без которой немыслимо какое бы то ни было совместное творчество.

В заключение, несколько слов необходимо сказать о структуре этого и других сборников, составленных по материалам наших летних школ: первую часть образовали переработанные авторами лекции «взрослых» филологов; вторую — тексты докладов молодых участников школ.

Мы надеемся и даже уверены в том, что традиция летних школ не прервется еще очень долго, так что нам не раз будет суждено всем вместе встретиться в уютном и живописном Семиозерье.